

АНДРЕЙ КУРКОВ
ЮРИЙ ВИННИЧУК

КЛЮЧИ МАРИИ

Харьков
«ФОЛИО»
2020

ГЛАВА 1

Киев, октябрь 2019. Пути Господни неисповедимы. Случайная крымская встреча и ее последствия

Черными археологами не рождаются. Ими становятся. Иногда в темные времена, иногда в светлые. А иногда и в серые, как нынче. И хотя нынешнее «серое время» началось не вчера, но Бисмарку, точнее — Олегу Качко, до сих пор казалось, что едва ли не вчера он впервые взял в руки саперную лопатку и под руководством старшего товарища Адика Маса снял первый слой каменистой, крупитчатой земли над могилой древнего тавра. «Стой, хватит, теперь щеткой!» — скомандовал тогда Адик, показывая пальцем на выглянувшую из-под земли полусферу черепа. Голос у Адика отличался подростковой звончатостью. Может именно поэтому Адик старался говорить тихо. Словно стеснялся собственного голоса. Там же, в Крыму, на прибрежных камнях Гурзуфа, за день до вскрытия могилы древнего тавра, вдвоем, как давние неразлучные друзья, они отметили сорокалетие Адика. Как и положено, жарили на листе жести мидий, разведя в щели между камнями маленький костер из выброшенных морем и высушенных южным солнцем щепок и досок. Пили дешевое белое вино, ожидая, пока из-за высокой температуры мидии сами не откроются и не закипят изнутри. Черноморские мидии солить не надо, они и так соленые!

Кто-нибудь когда-нибудь точно также «поджарит» и «съест» Олега Бисмарка и Адика. Такая вот странная мысль пришла Олегу

в голову в ту подсвеченную крымскими звездами именинную для старшего товарища и наставника ночь. Как пришла, так и ушла. Только вызвала улыбку своей очевидной несуразностью. Просто пошутила. Слово «съесть» всегда имело много значений, из которых главным неизменно оставалось «утолить голод». Хотя и словосочетание «утолить голод» имело много значений, так что углубляться в поиски правильного толкования кратко посетившей его мысли Олег не стал. Он просто выпил еще один стакан вина и зажевал его горячей мидией.

Олегу за два месяца до этой звездной крымской ночи стукнуло двадцать. Он был полон сил и неуверенности в своем будущем. Эта неуверенность словно замораживала его энергию, сдерживала, тушила, иногда вызывая раздражение, иногда даже легкую депрессию. А депрессия обычно доводит человека до петли или до Крыма. Тяжелых на подъем — до петли, легких — к звону и блеску приморской жизни. Бисмарк был не просто легким на подъем! Он был легчайшим! Вот и приехал сюда развеяться и забыть о реальности. Лето, солнце, море, девушки в купальниках — это далеко не полный набор лекарств от депрессии, которые Крым всегда щедро, но за деньги предлагал каждому страждущему. Но в тот ранний вечер Олег встретил рядом с ялтинской набережной не девушку из Харькова или Сум, не какую-нибудь свежеприбывшую белокожую блондинку, а Адика, одессита, приехавшего сюда за «приятным и полезным». «Приятным», конечно, по его словам, являлось само пребывание на ЮБК, а «полезным» — черная археология, которая кормила Адика, опять же по его собственным словам, уже лет пятнадцать. Взгляд Адика остановился на Олеге, когда тот пил кофе с коньяком на террасе кафе в боковой улочке рядом с набережной Ялты. «Чего грустим?» — спросил приветливо Адик, присаживаясь за столик с бокалом бельгийского пива в руке.

Олег в тот момент действительно грустил. Он только-только приехал, устроился в деревянном флигельке во дворе частного дома в пяти минутах от моря. Расплатился с хозяином, бросил вещи и сразу поспешил на набережную вдыхать йодистый озон. Но там, на набережной, вместо привычной почти животной радости от солнца и моря на него нахлынули тревожные мысли о будущем, о том, что с сентября надо начинать жить по-другому, ведь с сентября всегда начинается или, по крайней мере, должна начинаться новая жизнь. Если она не началась с прошлого сентября.

Назойливые мысли лучше всего прогоняются коньяком. Цены на самой набережной кусались, и ноги вывели Олега в переулок недалеко от гостиницы «Ореанда», где он любил бывать и в прошлые приезды. Там, из-за отсутствия вида на море, коньяк становился доступнее, а кофе, довольно средненький по качеству, казался вкусным и бодрящим. И вот вместе со словами «Чего грустим?», произнесенными подростковым звонким голосом, входившим в противоречие с возрастом сказавшего, на стул напротив опустился мужчина с тонким, орлиным носом и веселыми серыми глазами, худой и длиннорукий, в шортах и в футболке с ликом Пушкина и надписью «Пушкинский Лицей».

— Да не грущу я! — ответил Олег. — Только приехал... Прихожу в себя после дороги!

И он кивнул на бокал с коньяком.

— Один приехал? — удивился мужчина, протягивая руку. — Я — Адик, из Одессы.

— Олег Бисмарк, из Киева.

— Бисмарк? — удивился Адик.

— Можно просто Олег, Бисмарк — это так, прозвище...

— Ты что, немец?

— Нет, я азартный! И родился тоже 1-го апреля.

— В день дурака?

— В день юмора!

— Ну да, это лучше! А что, Бисмарк был азартным?

— Ага, в казино любил ходить, коньяки пил!

— А! Теперь понятно! — Адик многозначительно опустил взгляд на бокал с маслянистым напитком цвета канифоли. — А я было подумал, что ты — тоже немец! Я вот — из бессарабских немцев. По паспорту — Адольф! Спасибо папочке, который говаривал «Хорошее имя, оно не виновато!» Но Адик — куда лучше! И про Гитлера со мной никто не шутит! Ну, а если ты действительно азартный, могу кое-что предложить! Как раз для азартных!

— А что? — оживился Олег.

— Ночное кладоискательство.

— Почему ночное?

— А чтобы никто не видел и чтобы никто не отобрал, если что-то найдем!

— Да, интересно! Но я сюда отдохнуть!

— Одно другому не мешает! Днем отдыхаешь, ночью ищем клад!

Что нашли они той первой совместной июньской ночью в могиле тавра, которую, подсвечивая фонариками, перелопатили в четыре руки пальцами, пропуская через них весь песок, все камешки, все комки глины, а также кости и косточки, позвонки, и прочие остаточные человеческие детали, которые сотнями лет сопротивлялись попыткам воды и земли растворить их в себе, превратить в живительную почву? Вроде бы и ничего особенного! Ну, два десятка бусинок: перламутровых и керамических — то ли с бус, или же с браслета или четок. И еще нашли удлиненный кусок ржавого железа. Адик сразу сунул его себе в карман. Сказал, что разберется с ним позже.

— Ну все, — объявил ему в тот предрассветный час Адик. — Теперь можешь считать себя археологом! Черным археологом!

— А разве не черным кладоискателем? — переспросил Олег, вспоминая первый разговор с Адиком в кафе.

— Кладоискатель — звучит по-детски! А «черный кладоискатель» — двусмысленно! Ну как, например, чернокожий археолог! — рассмеялся одессит. — Так что уж лучше будь просто черным археологом, как я! Мир ведь черно-белый! Белые археологи работают на белой его стороне, черные — на черной! Главное, чтобы они не мешали друг другу!

С той июньской крымской ночи прошло семь лет. Олег Бисмарк быстро освоил азы ночного кладоискательства. Иногда он занимался этим делом даже днем! Но в безлюдных местах. Однако относиться серьезно к этому занятию у него не получалось. Хорошее хобби, но не более того. Для жизни нужны другие способы заработка, при которых ночь можно посвятить не хождениям с металлоискателем по территориям исторических заповедников, а удовольствиям, включая крепкий постконьячный сон. Да и за все эти семь лет ничего реально ценного Олег не нашел. Но монетки, медальки, ржавые остатки шмайсеров времен второй мировой ему иногда попадались и отправлялись дальше покупателям, которых он находил в интернете. Покупатели были «мелкие», но ведь и товар у него тоже отличался доступностью и дешевизной. Торговля таким товаром скорее походила на спорт, чем на бизнес.

С Адиком они иногда встречались. Тот приезжал в Киев раз в полгода по делам и перед отъездом обычно звонил Олегу и звал его на ужин, на большой, щедрый ужин в дешевом кафе. При встречах он почти ничего не рассказывал о своей жизни. Но во время последней такой трапезы, состоявшейся в середине сентября, он неожиданно и с очевидной гордостью объявил Олегу,

что через месяц станет киевлянином! Подробности пообещал сообщить позже, тогда, когда «сказка станет былью». Так и сказал.

Сказка стала былью даже раньше. Недели через две с половиной Адик позвал Олега Бисмарка поужинать в недешевый ресторан. Правда, не успел Олег как следует изучить витиеватые названия итальянских блюд, как Адик вынул из его рук меню и попросил довериться его вкусу.

— У тебя же трудовая книжка дома? — спросил он через минут двадцать, накручивая вилкой spaghetti primavera.

Олег, жуя, кивнул.

— Завтра пойдешь оформляться на работу! В Софийский заповедник.

Сотрапезник чуть не подавился. Закашлялся, прикрывая рот ладонью и глядя на Адика обиженно и недоуменно.

— Кем? Куда? — наконец прокашлявшись, спросил Олег, и в голосе его прозвучал набирающий силы скепсис.

— Дежурным электриком! — губы Адика нарисовали собеседнику самоуверенную улыбку.

— И на какую зарплату?

— Когда человек идет на работу в святое место, разве он думает о зарплате? Ты думаешь, я пошел работать в отдел культуры киевской мэрии ради пяти тысяч гривен в месяц?

Олег Бисмарк вдруг увидел в слегка прищуренных глазах Адика ответы на все свои вопросы. Увидел, успокоился, кивнул и опустил взгляд на остывающие spaghetti primavera.

— Кушай-кушай, — одобрил движение его взгляда Адик. — Черный археолог черному археологу плохого не посоветует!